

УДК 339.9 (045)

МИРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ЦЕПОЧЕК СОЗДАНИЯ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ И УЧАСТИЕ В НИХ РОССИИ*

МЕШКОВА ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА

кандидат политических наук, директор Информационно-координационного центра по взаимодействию с Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, Москва, Россия

E-mail: meshkova@hse.ru

МОИСЕИЧЕВ ЕВГЕНИЙ ЯРОСЛАВИЧ

аналитик Информационно-координационного центра по взаимодействию с ОЭСР Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, Москва, Россия

E-mail: emoiseichev@hse.ru

АННОТАЦИЯ

В статье представлены основные теоретические подходы к пониманию глобальных цепочек добавленной стоимости (ГЦС), анализируется их роль в современной мировой экономике. Подчеркивается, что в силу растущей политической и экономической значимости ГЦС данный феномен сегодня оказывается в центре внимания многих стран и международных институтов – в том числе «Группы двадцати» (G20), Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Всемирной торговой организации (ВТО), Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), Всемирного банка. Для характеристики основных международных тенденций в области ГЦС, специфики участия России в ГЦС используются, в том числе, последние данные, полученные на основе совместно разработанной ОЭСР и ВТО международной методологии *Trade in Value-Added (TiVA)*. По итогам рассмотрения текущего состояния участия России в ГЦС делается вывод, что она преимущественно участвует в восходящих связях в ГЦС (т.е. другие страны используют экспортируемые Россией товары в качестве сырья или компонентов в своем производстве) и что текущее положение России в ГЦС не обеспечивает нашей стране возможных долгосрочных выгод, не согласуется со средне- и долгосрочными задачами социально-экономического и научно-технологического развития. Оцениваются факторы, препятствующие и способствующие участию России в ГЦС. В заключение даются рекомендации по повышению эффективности участия России в ГЦС, включающие как горизонтальные меры, связанные с комплексной модернизацией экономики и системы государственного управления, так и меры, направленные на более адекватную оценку, мониторинг и прогнозирование участия в ГЦС, в том числе через более активное участие в международном сотрудничестве в этой сфере.

Ключевые слова: глобальные цепочки создания добавленной стоимости (ГЦС, ГЦСС); *global value-added chains (GVCs)*; Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР); Всемирная торговая организация (ВТО); «Группа двадцати»; Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД); торговля; конкуренция; глобализация.

GLOBAL VALUE CHAINS: WORLD TRENDS AND THE RUSSIA'S INVOLVEMENT**

TATYANA A. MESHKOVA

PhD (Political Science), Director of the Information and Coordination Centre for Cooperation with the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD), the HSE Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, Moscow, Russia

E-mail: meshkova@hse.ru

* Статья подготовлена в рамках проекта «Исследование международных подходов к участию в глобальных цепочках стоимости и разработка рекомендаций по анализу повышения эффективности участия Российской Федерации в глобальных цепочках стоимости в соответствии с рекомендациями Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и других международных институтов», реализованного НИУ ВШЭ по заказу Минэкономразвития России в 2014 г.

** The paper was prepared within the project «Study of international approaches to participation in global value chains and development of recommendations to enhance the efficiency of analysis of Russia's involvement in global value chains in compliance with recommendations of the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) and other international institutions' implemented by the NRU HSE in 2014 upon request of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation.

EVGENY JA. MOISEICHEV

Analyst of the Information and Coordination Centre for Cooperation with the OECD, the Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, the NRU HSE, Moscow, Russia

E-mail: *emoiseichev@hse.ru*

ABSTRACT

The paper considers the main theoretical approaches to understanding global value chains (GVC) and analyzes their role in the modern global economy. It is emphasized that in view of the growing political and economic importance of the GVC, today this phenomenon is in the focus of many countries and international institutions including the «Group of Twenty» (G20), the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD), the World Trade Organization (WTO), the United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) and the World Bank. To describe the major world trends in the GVC and characteristic aspects of Russia's involvement in the GVC, the paper uses, inter alia, the most recent data obtained through applying the TiVA (Trade in Value-Added) methodology which was developed jointly by the OECD and the WTO.

The current state of Russia's participation in the GVC proves that Russia is mainly involved in the upstream GVC part (i.e. other countries use exported Russian goods as raw materials or components in their production). The current position of Russia in the GVC does not provide long-term benefits for our country nor meet the medium and long-term objectives of social and economic, scientific and technological development.

The authors explore the barriers as well as factors facilitating the participation of Russia in the GVC. In conclusion, recommendations are made to improve the effectiveness of Russia's involvement in the GVC. The suggested measures include both horizontal measures related to the comprehensive modernization of the economy and public administration as well as measures aimed at a more adequate assessment, monitoring and forecasting of participation in the GVC through active international cooperation in this field.

Keywords: global value chain (GVC); global value-added chains (GVCs); Organization for Economic Co-operation and Development (OECD); World Trade Organization (WTO); «Group of Twenty»; United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD); trade; competition; globalization.

ЧТО ТАКОЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ЦЕПОЧКИ СОЗДАНИЯ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ?

На сегодняшний день ГЦС стали ключевым элементом мировой экономики и являются, пожалуй, одним из наиболее наглядных проявлений тенденций глобализации и транснационализации, демонстрируя их плюсы и минусы.

В условиях современной глобализированной экономики большее значение с точки зрения обеспечения занятости и развития имеет не сам конечный продукт, являющийся объектом международной торговли, а результаты деятельности компаний, участвующих в создании этого продукта.

ГЦС представляют собой устойчивый механизм начисления стоимости в процессе создания конечного продукта, включающий в себя различные технологические стадии производства, а также сферы дизайна и сбыта продукции. Внутри конкретной глобальной цепочки стоимости принято выделять восходящие связи (*forward linkages in GVCs*), отражающие

экспорт сырьевых товаров и услуг, которые затем импортируются обратно в виде готовых продуктов [связи (компании), производящие комплектующие и компоненты для более сложной продукции], и нисходящие связи (*backward linkages in GVCs*), отражающие производство и экспорт конечных товаров и услуг, базирующиеся на импорте сырьевых товаров и услуг (передовые производители, собирающие финальный продукт).

Участие в ГЦС принимают как развитые, так и развивающиеся страны вне зависимости от уровня своего технологического развития и доходов на душу населения, однако степень их включенности, позиции в звеньях ГЦС, а значит, и возможности получения наибольшей выгоды остаются разными.

В настоящей работе предпринята попытка охарактеризовать ключевые мировые тенденции развития ГЦС, выделив факторы успешности в них стран и соответствующие риски и выгоды, а также предложить ряд мер, призванных способствовать более эффективному участию России в этой системе.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ГЦС И ИХ ВАЖНОСТЬ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ И РЕГУЛИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

В силу растущей политической и экономической значимости ГЦС данный феномен сегодня оказывается в центре внимания многих стран и международных институтов, хотя сама концепция цепочки начисления стоимости возникла в 1960–1970-е гг. В 1990-е гг. эту концепцию последовательно развивал профессор Гарвардской бизнес-школы Майкл Портер [1–3] в рамках теории конкурентных преимуществ стран. Его подход оказался близок к концепции «потока стоимости» (*value stream*), развитой американскими специалистами в области менеджмента Джеймсом Вомаком и Дэниэлом Джонсом [4].

В своем базовом виде, как ее определил профессор Колумбийской бизнес-школы Брюс Коут [5], цепочка начисления стоимости представляет собой процесс, при котором происходит соединение технологии с ресурсами капитала и труда и преобразование первичных ресурсов в готовый продукт, подлежащий затем сбыту на рынке. При этом компания может занимать лишь одно звено в данном процессе либо быть в значительной степени вертикально интегрированной [5].

Попытки объяснить, почему вертикально интегрированная компания принимает решение о целесообразности международного аутсорсинга, были предприняты в работах английского экономиста Эдит Пенроуз [6], отчасти объяснившей данное явление наличием у компаний-субподрядчиков специфических ресурсов и компетенций.

Данный тезис затем был развит экономистами, изучавшими проблематику транзакционных издержек, на основе концепции частотной переменной (в том числе Оливером Уильямсоном, Чарльзом Файном, Ричардом Норманом Ланглуа, Полем Робертсоном) [7–9]. Ее ключевой принцип заключается в том, что компании имеют склонность прибегать к аутсорсингу в тех случаях, когда потребность в каком-то ресурсе бывает редкой.

Тем не менее это вовсе не означает, что любые сложные виды деятельности будут осуществляться исключительно в условиях

вертикальной интеграции. Результаты работ теоретиков сетевой экономики (Хуана Карлоса Джарилло, Эдварда Лоренца, Вальтера Пауэлла, Томаса Торелли) [10–13] свидетельствуют о том, что на выбор фирм в пользу фрагментации или интеграции производства влияют и такие факторы, как доверие, репутация, взаимозависимость, регулярность транзакций, которые позволяют справляться с эффектами оппортунизма на межфирменном уровне и создавать гораздо более крупные производственные сети, чем те, которые могли бы возникнуть в соответствии с одной лишь теорией транзакционных издержек.

Вместе с тем в последние десятилетия исследователи отметили [14], что, несмотря на достаточную разработанность тематики производственной фрагментации в рамках цепочек начисления стоимости, международный аспект данного процесса является относительно новым. При этом все больше наблюдается процесс интеграции торговли при одновременной дезинтеграции производства [15].

В связи с этим в широкое употребление вошел термин «глобальные цепочки добавленной стоимости» (ГЦС), отражающий этот новый (глобальный) аспект уже знакомого объекта исследований.

Центральным местом исследований по тематике ГЦС, как правило, выступает вопрос управления и то, как разные формы управления и контроля над ГЦС способствуют или препятствуют улучшению положения компаний в ГЦС, включая продуктовую, функциональную или процессную модернизацию. В качестве единицы анализа в современных исследованиях ГЦС могут выступать как промышленные кластеры и отрасли, так и государство в целом.

На текущий момент можно выделить две большие теоретические школы [16] исследователей тематики ГЦС: интернационализм и индустриализм.

Первая школа представлена североамериканскими исследователями ГЦС, прежде всего профессором социологии, директором Центра глобализации, управления и конкурентоспособности Университета Дюка Гарри Джереффи [17–19], а также несколькими европейскими исследователями, включая

ведущего специалиста Института исследований развития университета Эссекса Рафаэля Каплински [20], исследователя Датского института международных исследований Питера Гиббона [21, 22].

Школа индустриалистов, с другой стороны, представлена такими исследователями Института исследований развития Университета Сассекса, как Джон Хамфри и Хуберт Шмитц.

В то время как интернационалистов отличает преимущественное использование макроперспективы как в контексте единиц анализа, так и в масштабе предлагаемых рекомендаций, индустриалисты предпочитают проводить анализ на микроуровне, рассматривая более локальный опыт отраслей и кластеров. Вместе с тем данное деление является весьма условным, поскольку данные подходы скорее дополняют друг друга, и есть ряд совместных публикаций представителей данных школ.

В наиболее систематизированном виде современная теория ГЦС представлена в работах Р. Каплински и Г. Джереффи, которые подчеркивают управляемый и динамический характер ГЦС.

Так, Г. Джереффи предложил наиболее известный подход к классификации типов управления внутри ГЦС [23], выделив пять ключевых типов управления.

1. Рыночные ГЦС (*Markets*), в которых имеются низкие издержки на поиск нового торгового партнера для любой из сторон.

2. Модульные ГЦС (*Modular value chains*), в которых, как правило, поставщики производят продукцию по более или менее детализированным спецификациям заказчика.

3. Отношенческие ГЦС (*Rational value chains*), в которых наблюдается комплексное взаимодействие продавцов с покупателями, что создает взаимозависимость и приводит к высокой специфичности инвестиций.

4. Захватнические ГЦС (*Captive values chains*), в которых мелкие поставщики транзакционно зависимы от крупных покупателей.

5. Иерархические ГЦС (*Hierarchy*), где управление характеризуется вертикальной интегрированностью составных звеньев данных ГЦС.

Развивая концепцию Джереффи [20], Р. Каплински предложил три ключевых типа управления в рамках ГЦС:

1) «законодательное управление», связанное с установлением основных правил и условий участия в ГЦС;

2) «контролирующее управление», предполагающее осуществление систематической проверки деятельности всех звеньев ГЦС и их соответствия общим правилам;

3) «исполнительное управление», связанное с поддержкой участников цепочки в отношении выполнения общих правил.

В то же время необходимо отметить, что предложенные типы управления в рамках ГЦС являются скорее аналитической конструкцией, своего рода «идеальными типами». На практике различные типы управления смешаны, взаимодополняют друг друга в разных комбинациях и могут меняться столь же динамично, сколь динамично меняются звенья в цепочке и основные источники получения ренты в рамках цепочек. При этом необходимо отметить, что сегодня ГЦС становятся не просто аналитической конструкцией, но и все больше используются в качестве инструмента международного экономического регулирования.

ГЦС В КОНТЕКСТЕ ВЫРАБОТКИ НОВЫХ ПОДХОДОВ К МЕЖДУНАРОДНОМУ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ

Сегодня наблюдается рост интереса к данным теоретическим подходам. Это связано прежде всего с тем, что ГЦС имеют большую эвристическую ценность, в большей степени раскрывая значение факторов, влияющих на распределение дохода внутри и между странами, чем просто промышленный или отраслевой анализ. ГЦС являются одновременно и наиболее наглядной моделью для анализа экономической природы такого аморфного понятия, как «глобализация», и реальным политическим рычагом, дополнительным политическим инструментом в политике содействия международному развитию (СМР).

ГЦС являются примером растущей роли нетрадиционных, негосударственных акторов в системе международных отношений. Ключевыми игроками в глобальных цепочках выступают не страны, а отдельные компании и предприятия, которые чаще всего носят транснациональный характер и не связаны географически с какой-либо конкретной

страной. Важными акторами глобальных процессов также становятся и потребители товаров и услуг, чьи вкусы, предпочтения и интересы становятся все более глобальными и менее подверженными национальным особенностям и традициям.

Теоретическая и практическая значимость исследований влияния ГЦС на мировые экономические процессы и экономику отдельных стран повышает актуальность этой тематики в международной повестке дня, способствует выработке новых международных подходов к оценке участия стран в ГЦС и их возможных эффектов. Международные организации, включая ОЭСР, ЮНКТАД и ВТО, активно используют тематику ГЦС для продвижения идей в сфере СМР, утверждая, что ГЦС предоставляют развивающимся странам уникальные возможности продвижения вверх «по лестнице» добавленной стоимости за счет создания выгодных условий для развития внутри этих стран международного бизнеса и привлечения иностранных инвестиций. Так, ОЭСР и ВТО разработали совместную международную инициативу *Trade in Value-Added (TiVA)* (торговля по добавленной стоимости) — методологию, позволяющую по-новому взглянуть на современную международную торговлю и перейти от анализа экспортно-импортных потоков товаров и услуг к более комплексному анализу глобальных цепочек создания добавленной стоимости, лежащих в основе международных потоков товаров и услуг [24].

В ходе прошедшей встречи G20 в Санкт-Петербурге (в 2013 г.) был озвучен призыв к правительствам стран-членов провести оценку своих национальных стратегий участия в ГЦС. Предварительные результаты совместной международной работы, проведенной под эгидой ОЭСР, ВТО и Всемирного банка, были представлены на встрече министров торговли G20 в Сиднее (Австралия) 19 июля 2014 г. [25]. Развернутые позиции по этому вопросу страны — члены G20 представили на саммите «Большой двадцатки» 15–16 ноября 2014 г. в Брисбене (Австралия) [26]. По итогам последнего саммита «Большой двадцатки» был принят ряд дополнительных обязательств [27], связанных с развитием системы глобальных цепочек стоимости:

- проводить реформы, способствующие росту объемов мировой торговли, снижению торговых издержек, упрощению таможенных процедур, уменьшению барьеров госрегулирования и развитию услуг, способствующих торговле;
- проводить политику стимулирования конкуренции, поощрения предпринимательства и инноваций, уменьшения барьеров для входа на отраслевые рынки и инвестиций;
- проводить политику, которая бы позволяла в полной мере использовать преимущества ГЦС и стимулировать более активное участие развивающихся стран в создании добавленной стоимости.

Таким образом, страны G20 подтвердили свою приверженность принципам либерализма в торговле и противления торговому протекционизму.

В текущем внешнеполитическом контексте действия России в сфере торговой политики вряд ли можно рассматривать как напрямую способствующие выполнению данных обязательств. Объявленный руководством страны курс на импортозамещение в сфере экономики [28] свидетельствует скорее об ориентации России на реализацию национальных интересов. В то же время нельзя сказать чтобы и ведущие зарубежные страны, входящие в состав G20 и G7, целенаправленно шли к целям, поставленным на последнем саммите «Группы двадцати», учитывая введение ими санкций в отношении России и российских контрсанкций [29–32].

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ ГЦС

Согласно совместному отчету, подготовленному организациями ОЭСР, ВТО и ЮНКТАД для лидеров G20 в 2013 г. [28], эффективное участие в ГЦС зависит не только от способности импортировать компоненты высокого качества, но и от возможностей экспорта, в особенности промежуточных товаров, доля которых в торговле товарами и услугами составляет порядка 67 и 70% соответственно. Утверждается, что эффективное участие в ГЦС в значительной степени может способствовать экономическому развитию развитых стран, с переходной экономикой и развивающихся, гарантируя, что

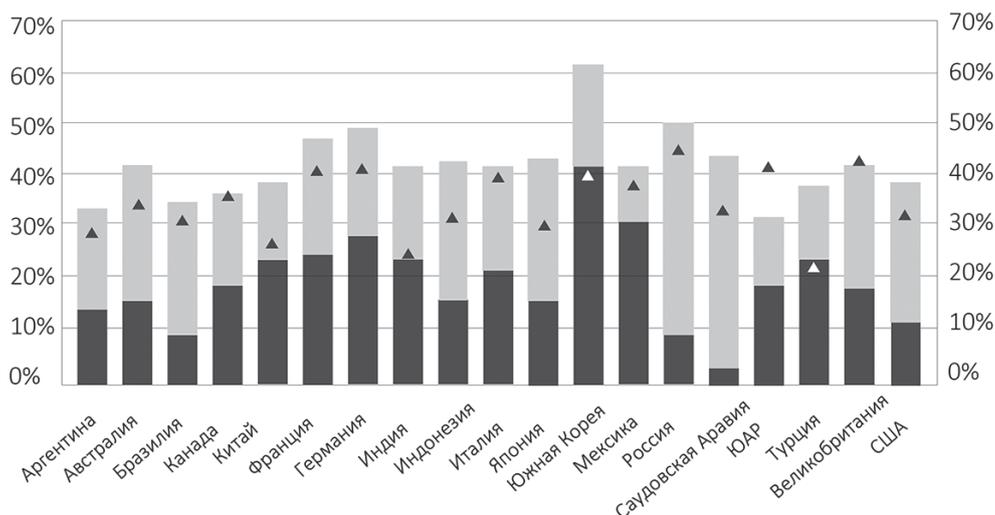

Рис. 1. Индекс участия стран в ГЦС, 1995–2009 гг.

Источник: OECD. Interconnected Economies: Benefiting from Global Value Chains.

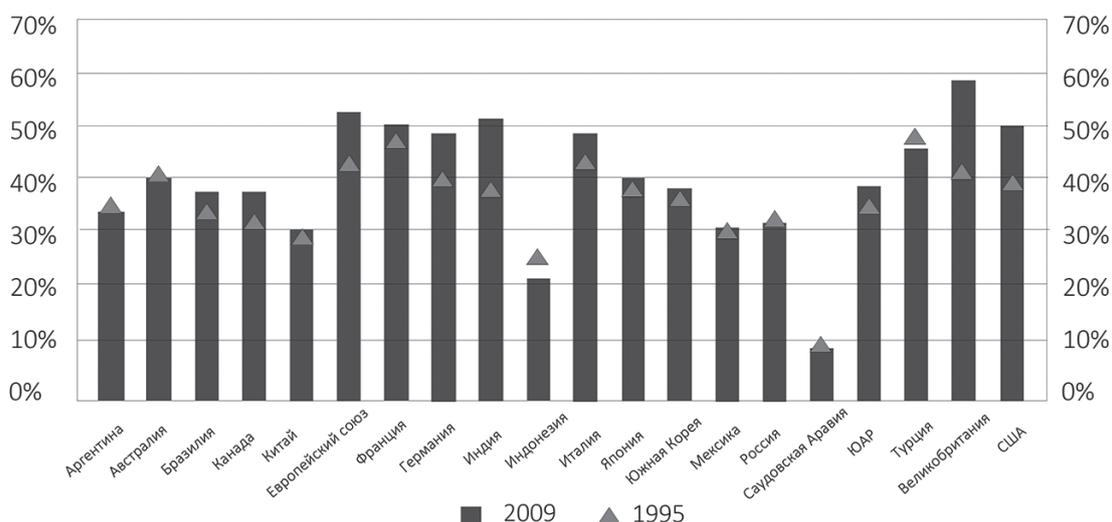

Рис. 2. Доля добавленной стоимости услуг в валовом экспорте, 1995–2009 гг.

Источник: OECD/WTO. TiVA database.

ежегодный темп роста ВВП данных стран будет не ниже 2%.

За 1995–2009 гг. уровень вовлеченности стран в ГЦС возрос в среднем на 5–10% [29] (рис. 1). Примерно 40% экспорта стран ОЭСР занимает зарубежная добавленная стоимость. В наибольшей степени с 1995 г. увеличилась вовлеченность в ГЦС Южной Кореи, Индии и Китая (рост индекса участия в ГЦС составил от 10 до 20%).

В среднем возросла также доля добавленной стоимости услуг в валовом экспорте стран ОЭСР и ее партнеров [24] (рис. 2). Наибольший рост по данному показателю за последние десятилетия продемонстрировали страны ЕС, в частности

Германия, Великобритания и Италия, а также Индия и США. В их валовом экспорте добавленная стоимость услуг занимает в среднем 40–50%. Для России данный показатель остался почти неизменным — на уровне 30%.

По сравнению с 1995 г. осталась на прежнем уровне или возросла доля рабочих мест в деловом секторе, поддерживаемых зарубежным конечным потреблением [30] (рис. 3). В наибольшей степени зависимой от зарубежных рынков в данном аспекте стала Германия, где доля рабочих мест, созданных зарубежным спросом, приблизилась к отметке в 40%. Далее идут Южная Корея, Италия и Китай, у которых данный показатель составляет 30%.

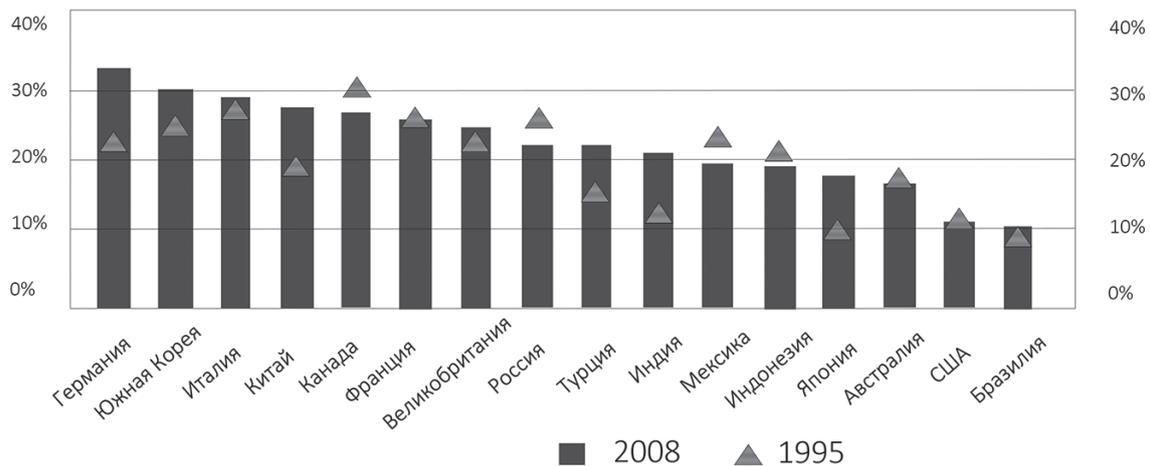

Рис. 3. Доля рабочих мест в экономике, поддерживаемых зарубежным конечным потреблением, 1995–2008 гг.

Источник: OECD. Science, Technology and Industry Scoreboard 2013.

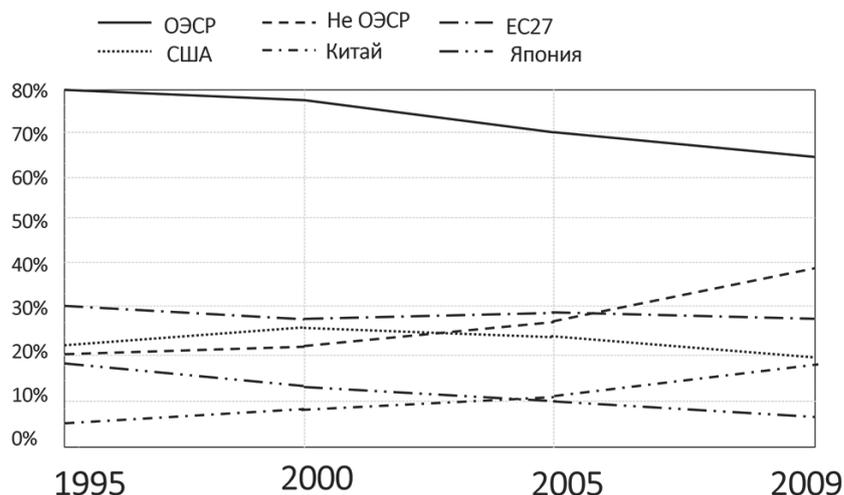

Рис. 4. Доля добавленной стоимости в ГЦС отдельных стран и группировок, 1995–2009 гг.

Источник: OECD. Interconnected Economies: Benefiting from Global Value Chains.

В наименьшей степени рынок труда зависит от зарубежного потребления у Бразилии и США (около 10%). Россия по этому показателю занимает среднее положение (20%).

Доля добавленной стоимости, создаваемой экономиками, не входящими в ОЭСР, в ГЦС продолжает расти [29] (рис. 4). Значительный рост показывает Китай, увеличивший свою добавленную стоимость с 5 до 15% за последние 20 лет. Приблизительно на уровне 30% держится ЕС, а доля добавленной стоимости США в ГЦС, приблизившаяся к 25% в 2000 г., продолжает падать, преодолев отметку в 20%. В целом доля добавленной стоимости в ГЦС стран ОЭСР за

последние два десятка лет снизилась приблизительно на 20%.

В рамках производственных ГЦС по объему создаваемой добавленной стоимости со значительным отрывом лидирует Китай (1827 млрд долл. США), вслед за которым идут Бразилия (400–450 млрд долл.), Индия (350–400 млрд долл.), Мексика (250–300 млрд долл.), а на седьмой позиции — Россия с объемом добавленной стоимости в 150 млрд долл. [29] (рис. 5). Причем за прошедшие десятилетия объем добавленной стоимости в данных ГЦС у рассматриваемых стран более чем удвоился. ГЦС все больше принимают региональный характер, о чем свидетельствует

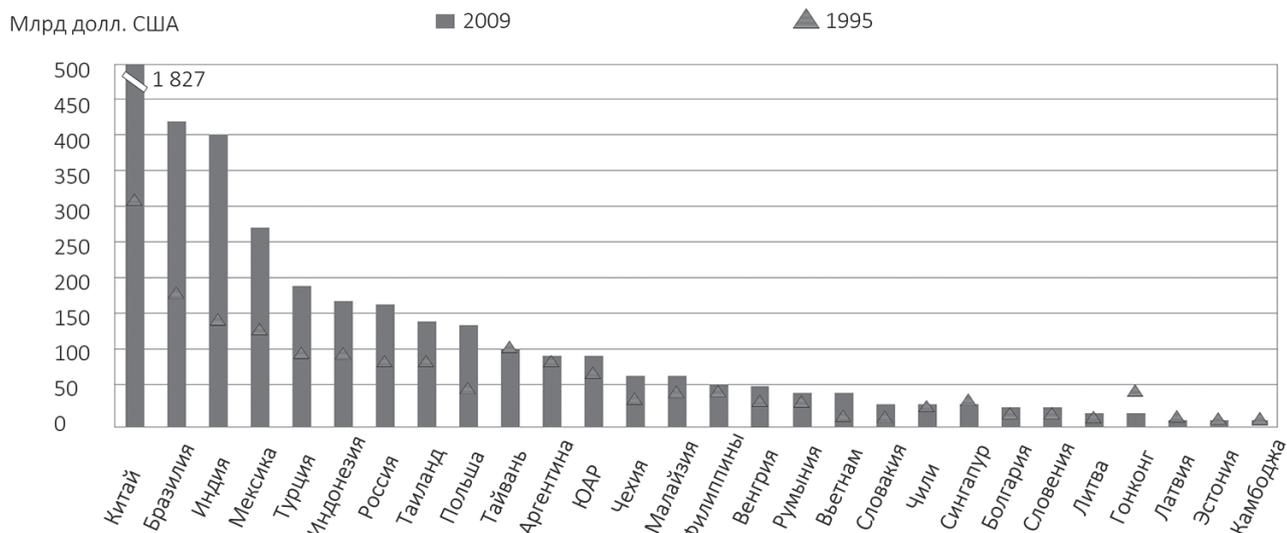

Рис. 5. Добавленная стоимость в производственных ГЦС, 1995–2009 гг.

Источник: OECD. Interconnected Economies: Benefiting from Global Value Chains.

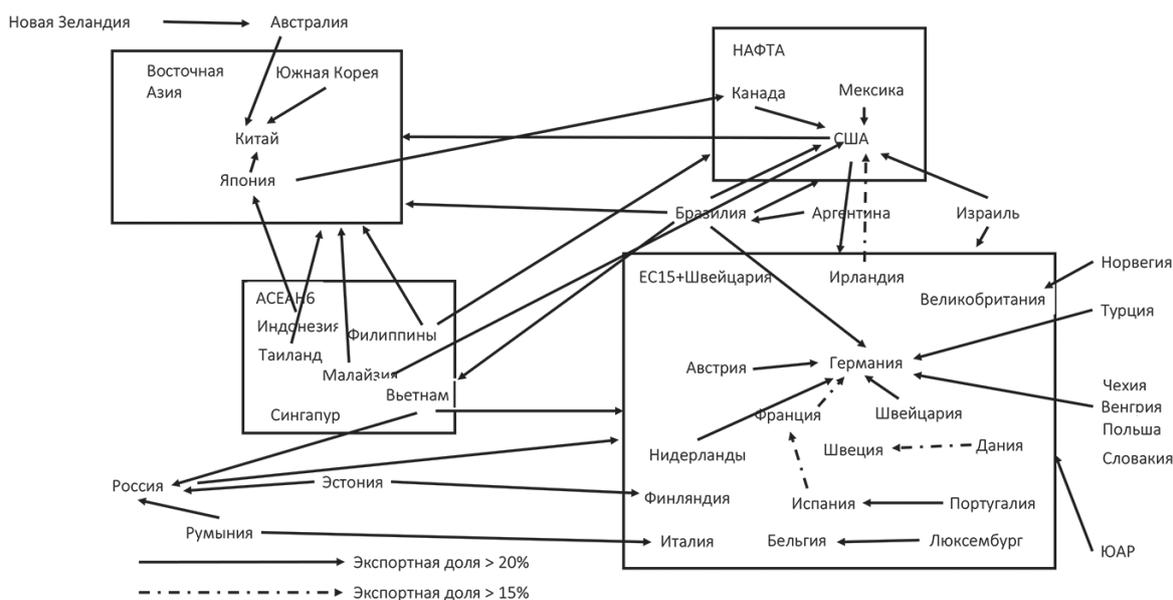

Рис. 6. Доминантные потоки промежуточных товаров в мировой торговле, 2005 г.

Источник: собственные расчеты ОЭСР на основе WIOD (сентябрь, 2010), OECD STAN BTD (март, 2010).

структура основных потоков промежуточных товаров в международной торговле (рис. 6).

Данные потоки представляют собой направления экспорта, доля которых в валовом экспорте страны превышает 15%. Таким образом, можно выделить четыре главные группировки стран: Европа, НАФТА, АСЕАН и Восточная Азия. Внутри данных группировок наблюдаются сильные доминантные торговые связи, в то время как между отдельными странами из

разных группировок данные связи наблюдаются реже.

За 1995–2005 гг. значительно ослабла роль США и Японии в мировой торговле и заметно укрепилась роль новых индустриальных стран и динамично развивающихся экономик (Южной Кореи, Китая, Филиппин, Индонезии, Сингапура и др.).

Таким образом, роль ГЦС в мировой экономике и международной торговле за последние

годы значительно возросла: увеличилась степень зависимости стран от зарубежных рынков и степень их вовлеченности в ГЦС. Как показывает практика, без интеграции в глобальные цепочки невозможно построить сильную экономику и добиться устойчивого роста.

РИСКИ И ВЫГОДЫ УЧАСТИЯ СТРАН В ГЦС

Проведенный анализ позволил выделить несколько ключевых групп выгод и рисков участия страны в ГЦС.

Так, можно выделить следующие выгоды участия стран в ГЦС [25].

1. Расширение рынка сбыта за счет получения доступа к глобальным рынкам (во многих случаях ГЦС — единственный способ получить такой доступ, но им надо уметь воспользоваться в своих интересах).

2. Повышение качества производимой продукции за счет специализации, основанной на сравнительных преимуществах и использовании высококачественных компонентов на всех стадиях производственного процесса (из-за высокого уровня конкуренции между поставщиками ресурсов и конечных товаров).

3. Модернизация технологий и улучшение человеческого капитала за счет освоения новых компетенций, обеспечивающих возможности перехода к участию в ГЦС на более высоких позициях с большей добавленной стоимостью.

4. Улучшение условий конкуренции и делового климата, которое особенно заметно в условиях присутствия в стране родственных и поддерживающих отраслей/кластеров. Это оказывает косвенное влияние, которое может быть усилено развитием конкурентных стратегий регионов страны.

5. Стимулирование привлечения прямых иностранных инвестиций в страну, которые к тому же могут являться важным источником технологий и знаний.

Также стоит отметить, что продвижение по ГЦС само по себе является важным стимулом для развития инфраструктуры в стране, повышения качества образования, инвестирования в научные исследования и разработки, создания благоприятных условий для ведения бизнеса.

Говоря о возможных рисках участия в ГЦС, необходимо заметить, что развитие глобальных

цепочек зачастую требует от страны последовательного сокращения национальной доли в ее экспорте, что негативно сказывается на внешнеторговом балансе, а компании, использующие зарубежный аутсорсинг, становятся менее зависимыми от национального рынка труда, что способствует безработице. Частично эта тенденция может быть компенсирована повышением эффективности в оставшихся отраслях, приводящим к увеличению спроса на рынке труда. К другим рискам относится возможность попадания в ловушку одного поставщика в рамках зависимости от конкретных рынков и продукции, а также давление со стороны координаторов ГЦС, например, в лице транснациональных корпораций (ТНК), способное привести к обострению экологических, конъюнктурных, экономических и социальных рисков. В связи с этим правительствам необходимо тщательно взвешивать все возможные последствия от включения их стран в ГЦС или изменения стратегии поведения внутри глобальных цепочек.

МЕСТО РОССИИ В ГЦС: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Перед Российской Федерацией, как и перед остальными странами «Группы двадцати», сегодня стоит актуальная задача оценки текущего состояния, возможных рисков и преимуществ участия в ГЦС, разработки долгосрочной стратегии участия в них с учетом меняющегося геополитического и внешнеэкономического контекста.

В текущих условиях для России становится очевидной необходимость открытия новых перспективных рынков в области энергетики, инвестиций, промышленной кооперации и несырьевого экспорта.

Подписание Договора о Евразийском экономическом союзе 29 мая 2014 г. в Астане открывает новые возможности для реализации евразийского интеграционного проекта, расширения возможностей для бизнеса, реализации совместных инвестиционных и кооперационных проектов, проведения согласованной макроэкономической политики, координации на внешних рынках, в том числе в рамках встраивания в ГЦС.

В России масштабы и эффективность ее участия в ГЦС пока не соответствуют масштабам

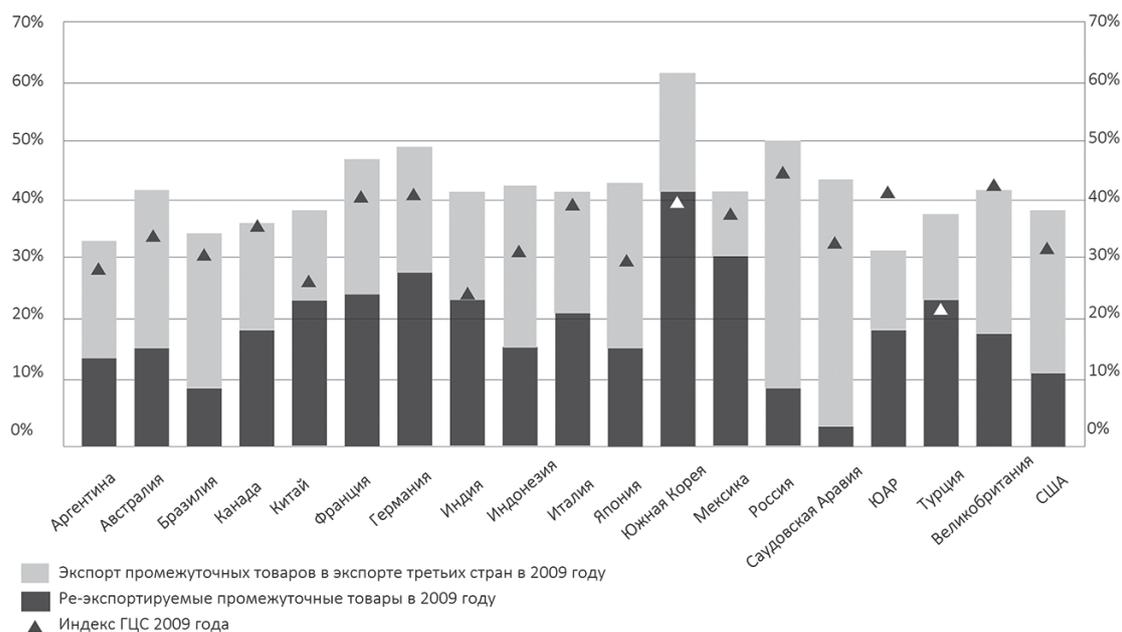

Рис. 7. Индекс участия стран в ГЦС и соотношение импорта с экспортом

Источник: OECD (2013) *Interconnected Economies: Benefiting from Global Value Chains*.

и потенциалу российской экономики. Данные, представленные ОЭСР и ВТО в своих публикациях и в базе данных *TiVA* [29], свидетельствуют о том, что России предстоит серьезная работа по разработке политики развития своей экономики в условиях нового понимания мировых торговых процессов.

Индекс участия России в ГЦС, величина которого, по последним данным, составляет 51,8, показывает, что степень вовлеченности России в ГЦС в мире является весьма большой (25-е место из 57) [24], однако характер этого участия сугубо сырьевой (рис. 7).

Объемы участия России в нисходящих связях в ГЦС, характеризующих экспорт готовых товаров и услуг с привлечением зарубежных подрядчиков и посредников, гораздо меньше стран ОЭСР (рис. 8) [29]. Индекс участия России в нисходящих связях ГЦС на 2009 г. составил 6,9, что является вторым наименьшим результатом [24] после Саудовской Аравии.

Специфика участия России в ГЦС заключается в том, что около 86% связей ГЦС, в которые вовлечена Россия, в том числе в горной промышленности и металлургии, химической промышленности, оптово-розничной торговле, транспортной индустрии, сфере телекоммуникаций, являются восходящими (т.е. другие страны используют экспортируемые Россией товары в качестве сырья или

компонентов в своем производстве), а доля нефти и газа в российском экспорте достигает 70%. Такая специализация препятствует созданию высокой добавленной стоимости в рамках ГЦС. Экспортируемые российскими компаниями ресурсы вновь поступают в экономику России уже в виде готовых зарубежных товаров с соответствующей наценкой, что к тому же усугубляется имеющимися тарифными и нетарифными торговыми ограничениями. При этом доля отечественных компаний в создании добавленной стоимости внутри этих товаров импорта превышает долю зарубежных.

Три четверти российского потребительского спроса покрывается за счет добавленной стоимости, созданной отечественными производителями. Это справедливо и в отношении российского сектора услуг, который в настоящее время в недостаточной степени использует потенциал участия в ГЦС.

Если рассматривать статистику конечного потребления, то наибольшая доля отечественной добавленной стоимости здесь приходится на сектора услуг, включая оптовые и розничные услуги, транспорт и коммуникации, финансовые и страховые услуги, а также сектор *b2b*-услуг (рис. 9). Вклад в общую добавленную стоимость отечественных производителей в этих секторах составляет от 70 до 90%.

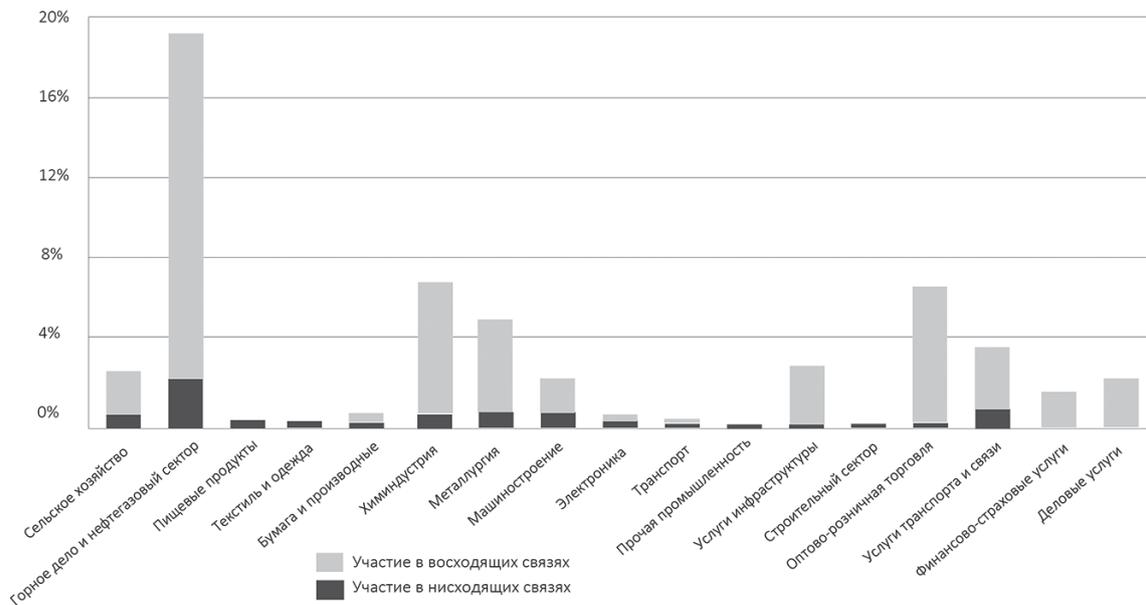

Рис. 8. Участие в ГЦС российских секторов промышленности

Источник: OECD descriptive note Global Value Chains: Russian Federation.

Таким образом, текущее положение России в ГЦС не обеспечивает ей возможных долгосрочных выгод от такого участия, не согласуется с теми средне- и долгосрочными задачами социально-экономического и научно-технологического развития, которые зафиксированы в ключевых стратегических и программных документах, включая Концепцию долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, основные государственные программы. Поэтому, какой бы сложной ни была текущая геополитическая ситуация, а прогнозы — пессимистичными (относительно перспектив экономического развития России в ближайшее время), представляется важным предложить меры, которые могут способствовать использованию имеющихся конкурентных преимуществ России и более эффективному участию в ГЦС с точки зрения минимизации возможных рисков и максимизации преимуществ участия в глобальных цепочках.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО МЕРАМ, НАПРАВЛЕННЫМ НА ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УЧАСТИЯ РОССИИ В ГЦС

Анализируя успешный международный опыт участия других стран в ГЦС, можно сделать вывод, что принципиальное значение для успеха

российской стратегии участия в ГЦС будет иметь реализация всего комплекса горизонтальных политических мер (меры по развитию инфраструктуры, коммуникаций, делового климата, финансовой сферы, науки и инноваций, образования и системы занятости, повышения макроэкономической стабильности). Принятие специализированных секторальных мер может служить важным дополнением для горизонтальных мер, но не может заменить их. Использование только секторального подхода (например, применение тарифных и других торговых ограничений, субсидий, требований к экспортной деятельности, ограничений на иностранные инвестиции и т.д.) в лучшем случае способно обеспечить краткосрочные позитивные эффекты для отдельной отрасли (чаще — ряда компаний), но неспособно обеспечить позитивный кумулятивный эффект для всей экономики [25].

Продвижение российских компаний в звенья ГЦС, более близкие к конечному потребителю, и более широкое вовлечение российских компаний в наукоемкие звенья ГЦС являются критичными для обеспечения эффективного участия России в современной системе мирохозяйственных отношений.

Возможность получения максимальной ренты в условиях глобализации все в большей мере концентрируется в тех звеньях «глобальных

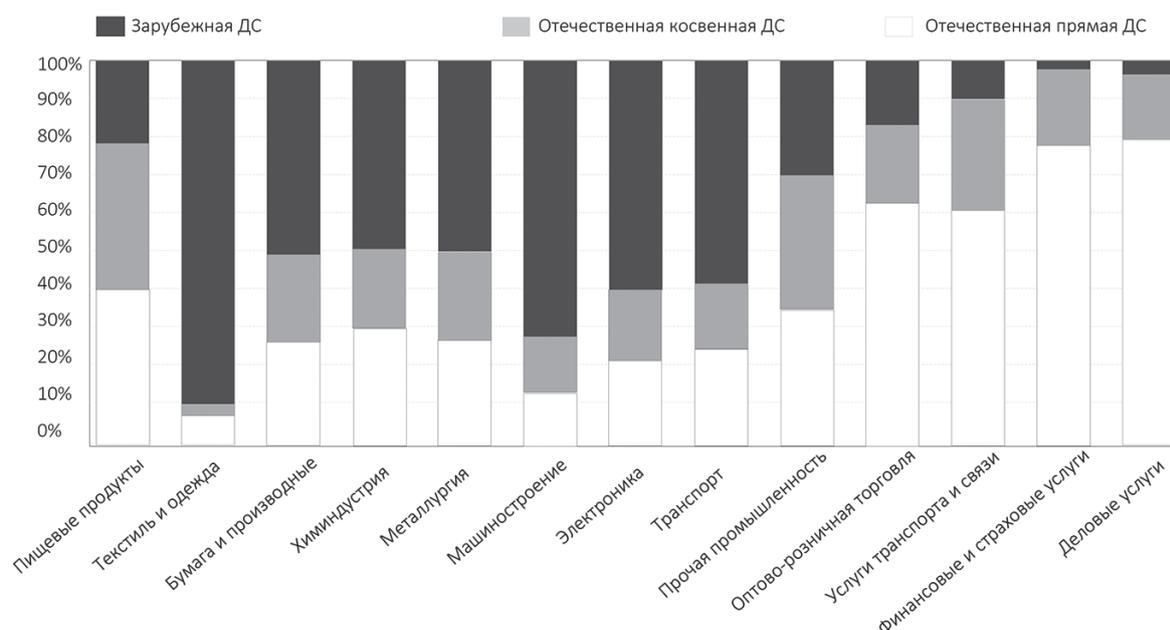

Рис. 9. Доля отечественной и зарубежной добавленной стоимости в конечном потреблении по секторам

Источник: OECD descriptive note Global Value Chains: Russian Federation.

цепочек», в которых накапливаются новые технологические, маркетинговые, управленческие разработки и знания, характеризующие развитие так называемой «новой экономики». В связи с этим ключевыми факторами, способствующими продвижению России по ГЦС, должны стать прежде всего характеристики российского «человеческого капитала», включая высокий уровень образования населения, высокую долю занятых в средне- и высокотехнологичных отраслях перерабатывающей промышленности, относительно низкий уровень безработицы, высокий уровень гармонизации с нормами ОЭСР в области государственного управления и т.д.

Можно предложить также ряд мер, которые должны способствовать более адекватной оценке, проведению мониторинга и долгосрочного прогнозирования участия России в ГЦС.

Прежде всего необходимо провести исследования отраслевых аспектов участия России в ГЦС с учетом позиций российских компаний (крупного бизнеса и малых/средних предприятий). Это должно позволить оценить особенности процессов формирования добавленной стоимости применительно к различным видам товаров и услуг в отраслях, которые могут представлять наибольший интерес для активизации участия в ГЦС (сельское хозяйство, банковские, транспортные услуги и др.).

Принципиально важным является вовлечение в процесс стратегического планирования не только государства, но и ключевых негосударственных стейкхолдеров ГЦС (прежде всего бизнес-сообщество в лице крупного бизнеса и малых и средних предприятий, новые институты развития России).

В связи с этим особое внимание следует уделить рекомендации ОЭСР по организации эффективного взаимодействия частного и государственного сектора, обеспечивающего кооперацию между институтами бизнеса, государства, науки, образования и гражданского общества, что необходимо для быстрой идентификации и устранения преград по встраиванию в ГЦС.

Представляется целесообразным рассмотреть возможности разработки долгосрочной стратегии участия России в ГЦС и программы/концепции перспективного развития новых ГЦС с высокими шансами лидерства российских компаний. Разработка такой стратегии и программы позволит, с одной стороны, учесть тенденции развития новых высокотехнологичных рынков товаров и услуг, потенциальных возможностей по занятию Россией на них лидирующих позиций в ГЦС, с другой стороны — учесть новую геополитическую обстановку и меняющиеся ориентиры в выборе внешнеэкономических партнеров.

Одновременно необходимо совершенствовать методологическую базу стратегического планирования, мониторинга, моделирования, измерения и статистического наблюдения участия России в ГЦС в межстрановом разрезе.

Пока при оценке участия России в восходящих и нисходящих связях в ГЦС можно опираться только на оценки, сделанные ОЭСР и ВТО, однако необходимо иметь в виду, что эти оценки сделаны в условиях дефицита информации и с применением большого количества допущений. База данных *TiVA* имеет ряд слабых сторон, включая недостаточный географический охват стран, недостаточную полноту и актуальность данных. Для повышения надежности таких оценок Россия должна делать их самостоятельно, используя имеющиеся международные подходы [в том числе в области построения балансов спроса и предложений (*Supply and Use Balances*)], межстрановых таблиц «затраты–выпуск», межотраслевых балансов, а также организации системы национальных счетов в соответствии со стандартами ОЭСР. Россия вполне может разработать собственные версии соответствующих баз данных (прежде всего «затраты–выпуск») с акцентом на регион ЕАЭС и, возможно, БРИКС с учетом стратегической значимости этих регионов и объединений для России. Такая методологическая работа чрезвычайно важна на текущем этапе и во многом является основой для дальнейших исследований и разработки необходимой эмпирической базы для принятия политических решений в области участия и управления ГЦС.

Совершенствование методологических подходов, в свою очередь, предполагает активизацию российских межотраслевых исследований, а также взаимодействие с международными организациями, ведущими разработки и постоянно совершенствующими подходы к анализу ГЦС. Для России сейчас скорее характерна в лучшем случае реактивная позиция в международном процессе выработки аналитических подходов и политических рекомендаций по участию в ГЦС. Российские исследователи не включены на системной основе в соответствующие

международные исследования и разработки. Необходимы переход к проактивной позиции, предполагающей прогнозирование развития новых перспективных ГЦС, содействие формированию новых ГЦС в стратегически выгодных для России секторах (в том числе высокотехнологичных); занятие в них лидирующих позиций; разработка методологий и систем показателей, позволяющих более точно и комплексно оценивать эффекты участия стран в ГЦС. Удобными международными площадками для этого могут служить как ОЭСР и ВТО — «законодатели мод» в тематике ГЦС, так и динамично развивающиеся международные институты и объединения, в том числе БРИКС и ЕАЭС.

REFERENCES

1. Porter M.E. *Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance*. *Competitive Advantage*. Simon and Schuster, 2008, 602 p.
2. Porter M.E. *Competitive Advantage of Nations: Creating and Sustaining Superior Performance*. *Competitive Advantage of Nations*. Simon and Schuster, 2011, 1289 p.
3. Porter M.E. *Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors*. *Competitive Strategy*. Simon and Schuster, 2008, 442 p.
4. Womack J.P. *Lean Thinking: Banish Waste and Create Wealth in Your Corporation*. *Lean Thinking*. Simon and Schuster, 2010, 402 p.
5. *Designing Global Strategies: Comparative and Competitive Value-Added Chains* | MIT Sloan Management Review URL: <http://sloanreview.mit.edu/article/designing-global-strategies-comparative-and-competitive-valueadded-chains/> (date of access: 28.11.2014).
6. Penrose E. *The Theory of the Growth of the Firm*. Oxford: Oxford University Press, 2009, 466 p.
7. Williamson O.E. Markets, hierarchies, and the modern corporation: An unfolding perspective. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 1992. vol. 17. Markets, hierarchies, and the modern corporation, no. 3, pp. 335–352.

8. *Fine C.H.* Clockspeed: Winning Industry Control in the Age of Temporary Advantage. Clockspeed. Basic Books, 1998, 292 p.
9. *Langlois R.N.* Firms, Markets and Economic Change: A Dynamic Theory of Business Institutions. Firms, Markets and Economic Change Routledge, 2002, 198 p.
10. *Jarillo J.C.* On strategic networks. Strategic Management Journal. 1988, vol. 9, no. 1, pp. 31–41.
11. *Thompson G.* Markets, Hierarchies and Networks: The Coordination of Social Life. Markets, Hierarchies and Networks. SAGE, 1991, 316 p.
12. *Powell W.* Neither market nor hierarchy: network forms of organisation // Markets, Hierarchies and Networks: The Coordination of Social Life, eds. G. Thompson [et al.]. Sage Publications, 1991, pp. 265–276.
13. *Thorelli H.B.* Networks: Between markets and hierarchies // Strategic Management Journal. 1986, vol. 7. Networks. no. 1, pp. 37–51.
14. *Arndt S.* Fragmentation: New Production Patterns in the World Economy. CMC Faculty Books. 2001.
15. *Feenstra R.C.* Integration of Trade and Disintegration of Production in the Global Economy Rochester, NY: Social Science Research Network, 1998.
16. *Morrison A.* Global Value Chains and Technological Capabilities: A Framework to Study Learning and Innovation in Developing Countries. Oxford Development Studies. 2008. Vol. 36. Global Value Chains and Technological Capabilities, no. 1, pp. 39–58.
17. *Gereffi G.* International trade and industrial upgrading in the apparel commodity chain. Journal of International Economics, 1999, vol. 48, no. 1, pp. 37–70.
18. *Gereffi G.* The value of value chains: spreading the gains from globalisation. Vol. 32. The value of value chains Institute of Development Studies, 2001.
19. *Kaplinsky R.* Spreading the Gains from Globalization: What Can Be Learned from Value-Chain Analysis?. Problems of Economic Transition. 2004. vol. 47. Spreading the Gains from Globalization. no. 2. pp. 74–115.
20. *Каплинский Р.* Распространение положительного влияния глобализации. Какие выводы можно сделать на основании анализа цепочки накопления стоимости. М.: ГУ ВШЭ. 2002. *Kaplinski R.* Rasprostranenie polozhitel'nogo vliianiia globalizatsii. Kakie vyvody mozhno sdelat' na osnovanii analiza tsepochki nakopleniia stoimosti, Moscow: NRU HSE, 2002. (In Russ.)
21. *Gibbon P.* The African Growth and Opportunity Act and the Global Commodity Chain for Clothing: Part special issue: Links between poverty and environment degradation in Latin America. World Development. 2003, Vol. 31. no. 11, pp.1809–1827.
22. *Gibbon P.* Upgrading Primary Production: A Global Commodity Chain Approach. World Development. 2001. vol. 29. Upgrading Primary Production. no. 2, pp. 345–363.
23. *Gereffi G.* The governance of global value chains. G. Gereffi, J. Humphrey, T. Sturgeon. Review of International Political Economy. 2005. vol. 12, no. 1, pp. 78–104.
24. OECD. OECD-WTO: Statistics on Trade in Value Added. OECD-WTO / OECD, WTO. Paris: Organisation for Economic Co-operation and Development, 2013.
25. OECD. Global Value Chains: Challenges, Opportunities, And Implications for Policy. Report prepared for submission to the G20 Trade Ministers Meeting Sydney. OECD, WTO, World Bank Group. Australia, 2014. 53 p.
26. Leaders' Summit, Brisbane, November 2014. URL: https://www.g20.org/event_schedule_tags/leaders_summit_brisbane_november_2014 (date of access: 28.11.2014).
27. Resources G20 2014. URL: https://www.g20.org/official_resources/library (date of access: 28.11.2014).
28. OECD. Implications of Global Value Chains for Trade, Investment, Development and Jobs. OECD, WTO, UNCTAD. 2013.
29. OECD. Interconnected Economies. OECD. Paris: Organisation for Economic Co-operation and Development, 2013.
30. OECD. OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2013. OECD. Paris: Organisation for Economic Co-operation and Development, 2013.